

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

АПДЕЙТ КОНСЕРВАТИЗМА

ЛЕОНИД ИОНИН

*Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2010

УДК 316.334.3
ББК 66.1(0)
И75

Рукопись подготовлена в рамках грантовой программы
Центра политической теории
Института общественного проектирования

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
доктор филологических наук
ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ

Ионин, Л. Г.
И75 Апдейт консерватизма [Текст] / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 304 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0762-9 (в пер.).

Развитие современной жизни делает актуальным консерватизм как стиль политического мышления и действия. Автор анализирует такие сферы общественной жизни, как геополитика и глобализация, семья и демография, демократия и гражданское общество и многие другие, и показывает, что развитие в каждой из них вызывает тревогу и побуждает к консервативной рефлексии. Он также демонстрирует, как либеральная и социалистическая идеологии используют язык и практику политкорректности для разрушения традиционных ценностей Западного и Российского мира. При этом автор не верит в возможность «позитивной» консервативной альтернативы. Политически консерватизм способен только «предупредить» и тем самым «удержать» общество от необдуманных и роковых шагов.

Книга рассчитана на специалистов в общественных науках, а также на всех, кому интересна современная политика и ее будущее.

УДК 316.334.3
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-7598-0762-9

© Ионин Л.Г., 2010
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
РАВЕНСТВО И СВОБОДА	
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И РЕСЕНТИМЕНТ	11
ОТ РАВЕНСТВА К СВОБОДЕ И ОБРАТНО	22
РОЖДЕНИЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ ИЗ ДУХА РАВЕНСТВА.	35
ПОЛИТКОРРЕКТНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.	47
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ И ПОСТМОДЕРН	57
ЧТО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕРАВЕНСТВОМ	60
БОРЬБА ЗА ПОЗИЦИИ (ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЕСУРСОВ КАК ПРИЧИНА НЕРАВЕНСТВА).	67
МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ	74
ЗЕМЛЯ И ТЕРРИТОРИЯ	
МЕТАФИЗИКА КОНСЕРВАТИЗМА	79
ЗЕМЛЯ И СОБСТВЕННОСТЬ	92
ИДЕОЛОГИИ «МЕСТА», ТЕРРИТОРИЯ И ГОСУДАРСТВО.	99
ЗЕМЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ РОССИИ.	102
УТОПИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	117
ПОЛИТИКИ ПРОСТРАНСТВА: ГЕОПОЛИТИКА И ГЛОБАЛИЗМ	126

СЛАВЯНОФИЛЫ И ГЛОБАЛИЗАТОРЫ	133
НОВЫЙ РАСПАД СССР	139

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЯ

СЕМЬЯ ПО УМОЛЧАНИЮ И ОПЦИИ СЕМЬИ	147
КОНФЛИКТЫ БУДУЩЕГО	155
СЫНОВЬЯ И МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО	161
ИЛЛЮЗИЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ	169
СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВО	179
ЧЕЙ РЕБЕНОК?	193
ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ	203
ПРОДУКТИВНЫЕ, НО БЕСПЛОДНЫЕ	209

ДЕМОКРАТИЯ

И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

ЛОГИКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	216
НАУКА — ЖЕРТВА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ	225
СПИРАЛЬ МОЛЧАНИЯ	232
ПОВЕСТКА ДНЯ	238
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИЛИ ЛЕГИТИМАЦИЯ?	246
ОБЩЕСТВО МЕНЬШИНСТВ	255
МЕДИАДЕМОКРАТИЯ	257
ПАРАДОКСЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	273
ПРИМЕЧАНИЯ	288

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сначала надо сказать, чем эта книга не является. Она не является сочинением по теории консерватизма и консервативной политике. Она не является сочинением по истории консерватизма. Она также не представляет собой консервативный проект по изменению российской политики или российской жизни. Как ни странно, она вообще не о консерватизме.

Это книга о жизни, точнее, это книга социолога о современной жизни, направление которой пробуждает в каждом видящем и думающем большую тревогу и делает актуальным консервативный взгляд на мир и на эту жизнь.

Конечно, надо кратко объяснить, что такое консервативный взгляд. Согласно старому разделению, есть консерваторы и есть традиционалисты. Традиционалисты — это те, кому не по душе быстрые изменения, и они хотели бы побольше пожить в комфорте привычного и устоявшегося. Традиционалисты — жертвы привычки. Консерваторы — это те, кто убежден в неправильности происходящих изменений и хотел бы их скорректировать или вообще сдержать их быстрый бег. Консерваторы — жертвы убеждений. Их можно назвать жертвами потому, что все их старания удержать важные для общества ценности, сохранить ключевые институты, не считать неравное равным, белое — черным, черное — белым, не впасть в пагубный и размывающий все порядки релятивизм — эти старания, как показывает опыт истории, обречены. Консерваторы в конечном счете проигрывают, хотя потом все понимают, что они были правы.

Несмотря на это, консервативная политика необходима и неизбежна, потому что даже самому опьяненному и восторженному движению всегда нужна некая контрольная инстанция — своего рода внутренний отец, который остановит, одернет, предостережет. Эта роль

консерваторам по плечу. Что консервативная политика действительно может — это если и не изменить направление движения, то предостеречь и удержать от роковых шагов, продемонстрировав парадоксальность, а иногда просто абсурдность образов будущего, к которому стремятся прогрессисты с обоих флангов — правого и левого, то есть либералы и социалисты (коммунисты).

Консерватизм вынужден противопоставлять себя обеим этим большим политическим идеологиям и видит свою задачу часто именно в том, чтобы проскользнуть между Сциллой и Харибдой: между Сциллой социалистического эгалитаризма и Харибдой либерального индивидуализма, между Сциллой мировой революции и Харибдой либеральной глобализации. Консерватизм хочет пройти между этими страшными чудовищами, как некогда корабль Одиссея.

На самом деле то, что происходит в мире сегодня, страшнее античных мифов. Применительно к политической идеологии консерватизм — это то, что в христианской традиции именуется словом «катехон», что означает «удерживающий», то есть то, что удерживает мир от воцарения зла и анархии, спасает его от прихода антихриста. «Удерживающий» — богословское понятие, и в социологическом, и политическом контекстах мы употребляем это слово метафорически. Консерватизм — это такое понимание мира, которое подчеркивает роль вечного в преходящем и удерживает общества и государства от безудержного и потенциально самоистребительного следования очередной модной доктрине из тех, что формируются в ходе развития и преобразования приобретающих все новые маски и личины социализма и либерализма.

В этом смысле консерватизм сегодня в России очень актуален. Я назвал книгу «Апдейт консерватизма», применив сугубо современное, связанное с компьютерным сленгом словечко, чтобы показать современность консерватизма.

Л. Ионин

Равенство и свобода

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И РЕСЕНТИМЕНТ

Вопрос о справедливом устройстве общества не сходит с повестки дня философов и исследователей общества со времен Платона и Аристотеля. Также он издавна стоит в центре политики, причем актуален он и для политиков, и для простых граждан. Интересно, что теоретики социальной жизни ответ на этот вопрос найти не могут (существует множество ответов, но нет убедительных), тогда как для простых людей это не составляет проблемы. Правда, формулируется вопрос в этих двух случаях не совсем одинаково. Для философа и другого академического специалиста он звучит так: что есть справедливость, или что есть справедливое? А для политиков и других простых людей он звучит иначе: справедливо ли это или то (какое-то решение, какая-то политика, какие-то обстоятельства, какая-то организация жизни)? В результате получается такая парадоксальная ситуация: никто (в том числе и философы) не может определить, что такое справедливость, но все (в том числе и философы) легко определяют, что справедливо, а что несправедливо.

У нас в России отличить справедливое от несправедливого и определить, насколько несправедливо наше общественное устройство, особенно легко, поскольку от других, цивилизованных, стран Россия отличается особым бесстыдством богатых. Например, даже в трудные для всех граждан кризисные годы богачи (нувориши, «новые богачи», потому что в России все богачи новые) с упоением эксгибиционистов выставляются в центре Москвы на так называемой ярмарке миллионеров. Они не только не скрывают свое богатство, свои пристрастия и вкусы (все равно, из каких

соображений), но, наоборот, сознательно делают себя мишенью массмедиа, которые стараются привлечь к ним общественное внимание. Мотивы массмедиа при этом различны, мы не будем на них здесь детально останавливаться, но не последнюю роль играет и морализаторский мотив: в условиях, когда в светской идеологии господствует аморализм, а церковь не имеет достаточного авторитета в массах, массмедиа становятся единственными учителями морали. Именно здесь они прямо или косвенно апеллируют к чувству справедливости, намеренно или ненамеренно вызывая возмущение и негодование масс.

Виноваты в этом, конечно, не СМИ и не простой народ, неспособный, по мысли некоторых либеральных публицистов, понять благодетельной роли *чужого* богатства. Виноваты сами богатые. Неравенство в цивилизованном обществе принято скрывать и, если не замалчивать, то, во всяком случае, не выпячивать. Это вопрос не только естественной скромности и вкуса, но и чувства самосохранения, присущего имущим классам. В России этого нет. Порнография сверхбогатства выставляется на каждом углу. Причем это происходит в обществе, которое за последние примерно сто лет усвоило определенные демократические предрассудки. Касты и сословия уже не предписывают границы возможного и невозможного для каждого отдельного индивида, не диктуют нормы и образы жизни. Каждый пользуется теми же правами, что и каждый другой, и каждый справедливо считает себя вправе претендовать на равную долю общественного пирога, что, кстати, каждому и было обещано в еще недалеко ушедшие в прошлое революционные девяностые. Трудно сильнее дискредитировать демократические и либеральные идеи, чем это делают такие вот «ярмарки».

Констатируя самое печальное и вопиющее неравенство, составляющее сегодня, к сожалению, едва ли не центральную проблему российской жизни, нельзя тем не менее повторять традиционный тезис большинства

социальных критиков и разоблачителей неравенства о том, что бедные становятся все беднее, а богатые становятся все богаче. К счастью, это не соответствует истине, и, возможно, именно тот факт, что бедные все же, хоть и медленно, но становятся если и не богаче, то, во всяком случае, обеспеченнее, и позволяет пока сохранять социальный мир в России. Действительно, богатые становятся все богаче, действительно, пропасть между бедными и богатыми становится все шире и непреодолимее, но все равно и бедным есть за что держаться в жизни. Достаточно вспомнить, что еще два десятилетия назад для подавляющей массы населения были недоступны многие товары, сейчас имеющиеся чуть ли не в любом ларьке. То же можно сказать и о товарах длительного пользования, телевизорах, автомобилях. То же относится и к поездкам на отдых за границу, к комфорту, с которым проводят отпуск сейчас по сравнению с тем, как проводили его в советское время наши соотечественники. Судя по всему, не за горами время, когда будет разрешен «испортивший москвичей» квартирный вопрос. Иными словами, стандартный набор благ, характеризующий потребление отечественного «среднего класса», — сравнительно неплохая иномарка, сравнительно неплохая квартира и отдых на сравнительно неплохом курорте — нынче доступен уже достаточно большой части граждан нашего отечества.

Итак, мы стали несколько зажиточнее, получили несколько больше возможностей в сфере здравоохранения, образования и культуры, стали свободнее, чем раньше, но отнюдь не стали счастливее. И это отсутствие счастья объясняется тем, что мы можем *сравнивать* и постоянно обнаруживаем, что у соседа больше квартира, дороже или новее машина, у жены его дороже шуба, а в отпуск он поехал туда, куда я себе пока что не могу позволить. Исключительным достижением советской власти было исключение оснований для зависти. Да, человеку было к чему стремиться в потре-

бительской сфере: имея «москвич», он стремился приобрести «жигули» или «волгу», или, имея стандартную двухкомнатную квартиру, старался расшириться до стандартной трехкомнатной, купить или построить домик на шести сотках. Но это был уже потребительский потолок, дальше стремиться было некуда, и поэтому зависть и честолюбие, если они были, переключались в творческую, профессиональную сферу, где не было потолка и всегда находилось, с кем и чем сравниваться и куда стремиться.

Именно в этом, кстати, заключается объяснение множества недоумений, одолевающих ныне молодых людей. Мол, как это в советское время люди, часто не имеющие элементарных вещей для жизни, у которых не было квартир, машин, ресторанов и множества других порожденных цивилизацией жизненных удобств, демонстрировали невероятную энергию творчества и изобрели и создали столько, что хватает на десятилетия вперед их нетворческим внукам? Иногда возникает подозрение, что это творчество состоялось не вопреки, а благодаря отсутствию жизненных удобств, и их внуки бесплодны именно в силу того, что их главный интерес лежит в деле совершенствования собственного потребления, а не собственных умов и душ. В советское время имела место — если употребить фрейдовский термин — *канализация*, перенаправление «достижительского» инстинкта в сторону, полезную для общества.

Именно *сравнение* с тем, кто потребляет больше и лучше, и есть один из главных источников неудовлетворенностью жизнью современного россиянина, да и не только россиянина, но и любого современного человека. У нас же в России дело даже не в «ярмарке миллионеров», или не только в ней. Главный искуситель — телевидение, даже не вообще телевидение, а телевизионная реклама, создающая образ мира, где люди ездят на прекрасных автомобилях, живут в роскошных домах, да и вообще они веселее, здоровее,

красивее, сексуальнее, беззаботнее, в общем, счастливее, чем мы с вами. Кто-то скажет, что только идиоты верят в то, что показывает реклама. Я добавлю, что и сами рекламные персонажи выглядят круглыми идиотами. Так-то оно так, но если принять во внимание, что, как посчитал один исследователь СМИ, в течение дня житель большого города воспринимает более 3000 рекламных воздействий, и если учесть, что телесериалы — второе наибольшее зло после телерекламы! — все более совпадают по стилю с рекламными роликами, то ясно, что именно телереклама и создает для нас *Жизнь, Какой Она Должна Быть*. Ну а уж к этому добавляется все, чего хочется и чего нет у меня, — машина соседа, дом соседа, жена соседа.

Так что именно *сравнение* (с тем, что есть у других, или с тем, что может или должно быть у меня) — основной, или очень важный источник неудовлетворенности жизнью и отсутствия счастья. Сравнение мешает человеку почувствовать удовлетворение, когда дела у него идут хорошо. То есть у меня-то вроде все хорошо, но я сравниваю и вижу, что у другого — у соседа, у коллеги по работе — еще лучше, а это значит, что у меня не очень хорошо, а может, даже плохо. Я купил себе «ситроен», а он, скажем, «мерседес» или «порше». Важно при этом, что меня огорчил именно сосед, потому что важно, с кем сравниваешься. Поп-звезды могут рассекать на «ламборгини», олигархи — на «майбахе», меня это мало волнует. Важен, если употребить социологический термин, *релевантный другой*, который по жизненному стандарту отличается от меня очень мало или вообще не отличается. В сравнении с ним даже минимальные различия будут казаться вопиющими. Вообще, чем меньше различия в жизненном уровне, тем сильнее ожидания равенства и надежды на равенство и соответственно тем сильнее *ресентимент* в случае нарушения равенства. Я никогда не прощу соседу то, что легко прощу далеким от меня людям.

Ресентимент как источник идей справедливости и равенства открыл и описал Фридрих Ницше в работе «К генеалогии морали». Ресентимент, писал через полвека после Ницше выдающийся философ Макс Шелер, это «самоотравление души». Он «...представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов... В первую очередь имеются в виду... жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство»¹.

Кульминация ресентимента — это то, что Шелер, используя метафору Ницше, называет «фальсификацией ценностных таблиц», когда самую позитивную ценность, несомненную и предпочтительную для нормального человека и нормального мира, начинают трактовать как *негативную ценность*. И сразу весь мир ценностей становится с ног на голову. А потом негативное отношение к тому, что раньше считалось позитивным, переносится и на носителей этих «переоцененных» ценностей, которые начинают восприниматься как исчадия ада, средоточие зла, главные враги всего светлого и доброго. Сам же носитель ресентимента представляется себе, пишет Шелер, добрым, честным, человечным...

Следуя Ницше и Шелеру, ресентимент применительно к нашей теме можно определить как зависть к успеху другого, будь то богатство, высокая награда, успех книги или спектакля или еще какое-то проявление успеха. Но ненавистен в ресентименте даже не успех сам по себе. Если, например, человек шел по дороге и нашел мешок с деньгами, — это, конечно, заставит других ему завидовать, но не наполнит их душу ядом ресентимента. В случае ресентимента на дне завидующей души таится невыносимая мысль, что другой, тот, кто добился успеха, лучше тебя, потому что его успех обусловлен долгой упорной работой, целеустремленностью, талантом — то есть всем тем, чем сам завидующий не обла-

дает и на что он не способен. Ресентимент — это успех другого, который мною воспринимается как мое унижение (пусть даже я переживаю его наедине с самой собой, незаметно для других).

Поскольку у ресентимента нет специфических социальных форм выражения, он часто выливается в негодование и гнев в отношении неравенства вообще и в стремление разрушить символы социальных различий. Шелер полагал, что существует тип общества, где налицо особая предрасположенность к ресентименту. Он имел в виду современную ему Германию первой четверти XX в. — как мы знаем теперь, Германию накануне нацизма. «Максимально сильный заряд ресентимента, — писал он, — должен быть в таком обществе, где, как у нас ... формальное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т.е. в таком обществе, где каждый имеет “право” сравнивать себя с каждым и не может “сравниться” реально. Здесь... в самой структуре социальности заложен мощный заряд ресентимента, с которым обществу придется считаться»². Эта характеристика идеально подходит и к современной России, шелеровское «у нас» может действительно читаться как «у нас».

Ощущение высокого уровня ресентиментных чувств в России сегодня очень сильно. Но самое интересное, пожалуй, заключается в том, что ресентимент оказывается характерен не только для нестабильных переходных обществ вроде современной России и некоторых других стран, но и для в высшей степени цивилизованных развитых стран Запада. Массовая демократия, как мы убедимся далее, — это общество, живущее в режиме высокого и постоянного накала ресентимента. Общество, живущее в режиме сравнения. Все сравнивают себя со всеми. Кроме того, там всегда обнаруживаются люди, недостаточно интегрированные в систему, и всегда находятся теоретики, умеющие

истолковать их ресентиментные переживания как законное и справедливое возмущение царящей в мире несправедливостью. Тот, кто не в состоянии найти себе достойное место в обществе, обращается таким образом против этого общества. Именно сравнение, выливающееся в ресентимент, часто порождает нарушения равновесия, перепады социальных потенциалов, ведущие иногда к очень серьезным потрясениям.

Давно и традиционно именно с ресентиментом связывают бунты и революции. Они тогда сводятся к элементарным устремлениям душ, отравленных злобой, ненавистью и жадой мести. Разумеется, революции *нельзя сводить* к ресентименту, но невозможно избежать обращения к идее ресентимента при описании революционного сознания. Кому-то изначально дано больше, чем мне, и этот факт отравляет душу и не дает существовать нормально, заставляет подбирать булыжник с мостовой, брать в руки оружие, громить и убивать. Ресентимент также возбуждается и провоцируется СМИ, часто бессознательно и непроизвольно. В частности, сравнение собственной жизни с жизнью на Западе, какой она представлена в глобальных электронных СМИ, является едва ли не основной причиной массовых миграций из Африки в Европу. Когда мы видим, как черные африканцы набиваются в едва держащиеся на воде от перегрузки катера и лодки и устремляются через море к негостеприимным итальянским и испанским берегам, то ясно, что позади них — картинки сказочной счастливой жизни, мерцающие на экранах дешевых телевизоров в хижинах. Сравнение нарушает равновесие и самодостаточность традиционного образа жизни, а сравнение, дополненное либерально-демократической пропагандой о равенстве всех людей и равенстве жизненных шансов, уничтожает эти традиционные формы жизни и заставляет устремляться в путь, обещая счастье, которое оказывается недостижимым по той же самой причине — неизбежности сравнения.

Те же самые массмедиа, создающие миф о счастливой жизни, пробуждающий сравнение и осознание несправедливости жизни, не давшей мне того, что есть у других, дают и утешение, постоянно демонстрируя торжество справедливости. Это торжество многогранно и разнообразно, оно реализуется на телеэкране в увлекательных сериалах, таких как «Улицы разбитых фонарей», где зло, разумеется, всегда наказывается, а также в разоблачительных фильмах и репортажах, где репортеры с негодованием пригвозждают к позорному столбу самых бесстыдных нарушителей закона, тех, кто злоупотребляет служебным положением, и т.д. Можно сказать, что СМИ осуществляют таким образом *инсценировку справедливости*. Последнее время на нашем телевидении приобрело популярность инсценирование справедливости с участием Президента Российской Федерации, грозящего «раздолбаям» и прочим негодьям, лишенным «ума и совести», и чуть ли не стучащего кулаком по столу. Как в случае с репортерами, так и в случаях с президентом инсценирование торжества справедливости происходит крайне эмоционально. Господствующий при этом тон — не тон критики, а тон возмущения и гнева. Если происходит критическая аналитическая работа, зрителям это может наскучить, и, кроме того, это может быть истолковано как проявление равнодушия или даже жестокосердия критика. А гнев и негодование — это настоящие и, главное, всеми разделяемые чувства. Мне так легко здесь понять президента, мы с ним чувствуем и думаем одинаково! Кроме того, анализ может быть непонятным, а гнев, как сказал один философ, — очень демократическое чувство. Проявление гнева доходчиво, особенно когда непосредственно за сценой негодования и гнева следует сцена наказания провинившихся и зачитываемый диктором перечень принятых мер и снятых с должности сравнительно крупных и более мелких начальников. Чем крупнее снятый начальник, тем более искренним кажется гнев и тем

более полным торжество справедливости. При этом остаются вне поля внимания и рассмотрения — а тем самым и вне перспективы разрешения — самые важные проблемы: как случилось то, что случилось, какие процессы привели к катастрофическому ухудшению ситуации и т.д.? Все сводится в негодованию одного начальника и снятию с должности другого начальника. Инсценировка называется «Снятие начальника».

Другую инсценировку можно назвать «Наказание олигарха». Ясно, что народ олигархов не любит, и ясно — почему. Поскольку общественной интеграции угрожает не сама несправедливость, а ее *восприятие*, то и на практике нужно не обеспечить реализацию справедливости, а обеспечить, чтобы народ *видел*, что справедливость происходит. Для этого необходимо показывать, что нуждающимся что-то дают, причем не просто дают (из бюджета, например, хотя и это тоже важно), но дают, *отобрав у богатых*. Такие инсценировки у нас происходят не очень часто и не очень редко — с частотой, достаточной, чтобы продемонстрировать решимость властей в деле обеспечения справедливости. Самый выразительный характер имела знаменитая встреча в Пикалево, растиражированная через телевизор на всю страну, где премьер-министр грубо одергивал и ставил на место олигарха Дерипаску, осмелившегося с пренебрежением отнестись к нуждам простого народа. Однако еще важнее оказалась телевизионная встреча премьер-министра с населением, где он рассказал, на какие благие дела — выплата пенсий, постройка больниц и т.д. — пошли немереные деньги, отобранные у преступного олигарха Ходорковского.

Эти соображения не стоит понимать как критику в адрес конкретных личностей, которые, мол, ради приобретения популярности пренебрегают углубленным рассмотрением вопросов. Это, грубо говоря, закон жанра. Такого рода инсценировочное поведение принципиально характерно для сегодняшних форм

реализации политического процесса, которые ряд исследователей обозначают термином *медиадемократия*. О медиадемократии мы еще будем говорить в одном из последних разделов книги. Пока же отмечу только, что политика в условиях медиадемократии осуществляется по правилам и нормам медиапрезентации. А в медиапрезентации — в телепередаче, например, — исполнитель должен уметь «держаться» аудитории, быть интересным для зрителя и казаться ему нужным. Спокойным аналитическим разбором ситуации этого не достичь. Телезритель щелкнет переключателем и уйдет с программы, ему не интересны говорящие головы. Допустить этого нельзя, ибо это может роковым образом сказаться на политической карьере исполнителя. В обстоятельствах медиадемократии политические звезды, как и звезды шоу-бизнеса вообще, имеют право на все, кроме одного — быть скучными. Кроме того, в медиапрезентациях речь идет, как правило, не о политических проблемах, тенденциях, программах и направлениях, а о *личностях*. В медиа политика всегда персонализирована. Она персонализирована, поскольку драматизирована, а в драме всегда есть *действующие лица*. Поэтому демонстративное снятие с должности какого-нибудь начальника — желательно, конечно, генерала — это, собственно, коренной, базовый медиадемократический акт. К вопросу о медиадемократии мы еще подойдем.

Пока же вернемся к вопросу о справедливости. Хотя содержательно определить справедливость, как мы говорили, невозможно или очень трудно — у многих людей очень разные представления о ней, невозможно не согласиться с тем, что самым очевидным проявлением справедливости должно быть «усиление равенства». В этом согласны практически все партии, все политики, не говоря уже о простых людях, постоянно сталкивающихся с фактами вопиющего неравенства. Как выразительно пишет немецкий философ Норберт Болц, «социальная справедливость через “большее равен-

ство” представляет собой сегодня ценность, которую невозможно не принять. [Для всех политических сил в современном мире] ... это принцип консенсуса номер один»³.

ОТ РАВЕНСТВА К СВОБОДЕ И ОБРАТНО

Как возникло равенство и что следует понимать под этим словом? В любом политическом словаре будет сказано, что равенство, *isonomia*, как политический принцип играло значительную роль уже в древней Греции, особенно в Афинах, где оно было одним из постоянных и важнейших требований демократии. Оно состояло в равенстве перед законом и равном праве на участие в делах государства (полиса). Но это было равенство не для всех, а только для свободных граждан; рабы, иностранцы и женщины исключались из числа равных. Древний Рим покорил полмира, превратил покоренные страны в провинции и уравнивал в правах провинциалов и римских граждан. Величайшим уравнивателем стало христианство, провозгласившее равенство всех людей перед Богом («нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, но все и во всем Христос»). Но лишь в XVIII в., благодаря философии Просвещения, идея равенства стала господствующей политической идеей и обрела огромный революционный потенциал. Ее главным выразителем был Жан-Жак Руссо: все люди рождаются равными, воспитание и общественные условия вносят в их среду неравенство, у дикарей полное равенство господствует донныне, а значит, идеал, к которому надо стремиться, — позади. Идеи философии Просвещения воплотились в лозунгах французской революции: свобода, равенство и братство были объявлены главными правами человека и гражданина. Статья первая Конституции 1791 г. гласит: «Все люди рождаются свободными и равными». В Конституции 1793 г. сказано: «Все люди равны по рождению и перед

законом». Из французской конституции этот принцип перешел во многие другие, и весь XIX, а за ним и XX в. стали эпохой распространения принципа равенства на все гражданские и общественные отношения и на все социальные группы без исключения. Руссоистская идея равенства всех по рождению скоро была оставлена как наивная, равенство стало пониматься как равенство перед законом и перед судом, равенство обязанностей граждан по отношению к государству, как личных (например, всеобщая воинская повинность), так и имущественных (например, налогообложение), и равенство прав на участие в управлении государством (всеобщее голосование). Идеалом равенства стал считаться конституционно-правовой принцип реализации права на участие в управлении в ходе выборов: один человек — один голос. Впрочем, об институтах демократии речь пойдет в последних разделах.

Против принципа равенства выставлялось и выставляется много самых разнообразных возражений, но главное из них, на наш взгляд, всегда состояло в том, что принцип равенства перед законом, перед судом и даже равенства в правах на управление остается пустым звуком, пока между людьми существуют большие имущественные различия. Именно из осознания этого факта делался вывод о том, что подлинное равенство может быть достигнуто только в случае уравнения имущества и капиталов. Такая идея уравнения богатств путем перераспределения с целью ликвидации человеческого неравенства проходит через всю историю человечества и оказывается причиной многих революций. В частности, она стала основой учения об обществе Карла Маркса, из которого взяли начало две важнейшие идеологии XX в. — революционный марксизм, достигший кульминации в Октябрьской революции 1917 г. и создании СССР, и более умеренная, распадающаяся на несколько политических течений социал-демократия. Реальность жизни Советской России, а затем и Советского Союза глубоко дискреди-

тировали идею равенства, достигаемого путем перераспределения богатств. Причем дискредитировали как в глазах теоретиков, так и простых людей, уставших от навязанного «равенства и братства». Кого не убедили теоретики, того убедила сама жизнь. Повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце» и снятый по ней фильм были приняты публикой — кем с восторгом, а кем с сожалением, но приняты! Ибо, сколь бы ни был злобен и безжалостен сарказм автора, слишком узнаваемы были реалии и действующие лица.

Как же все-таки могло получиться, что тысячекратно опровергнутая, растоптанная и, можно сказать, оплеванная идея социальной справедливости через «большее равенство» вновь стала в Европе и во всем мире «принципом консенсуса номер один»? Упомянутый выше Норберт Больц рассуждает о двух психологически различно мотивируемых формах стремления к равенству. С одной стороны, существует вполне оправданное стремление к равенству, побуждающее человека добиваться признания и уважения со стороны других. Это равенство, проистекающее из силы, и цель человека, стремящегося к равенству, — стать сильным среди сильных. Но есть-де и стремление к равенству, вытекающее из слабости, когда слабые стараются низвести сильных до своего уровня. В этом последнем стремлении к равенству таится величайшая опасность для современной демократии, а именно, как о том неоднократно писали и говорили Карл Поппер, Фридрих фон Хайек и другие и как повторяет за ними Больц, опасность того, что люди предпочтут *равенство в рабстве неравенству в свободе*. К этому мы вернемся еще чуть ниже.

Пока же попробуем ответить на вопрос: каким образом оказываются противопоставленными друг другу понятия, прежде выступавшие в неразрывном единстве революционного лозунга, звавшего вперед — к «свободе, равенству и братству»? Свобода так же, как и равенство, — очень старое и очень многозначное сло-

во, нагруженное многообразным содержанием понятие. Его можно трактовать в экономическом, политическом, этическом и даже гносеологическом смыслах. В экономическом смысле свобода начиная с Нового времени и вплоть до сегодняшнего нашего русского дня означала снятие зависимости индивидуума от власти государственной и цеховой организации, свободную конкуренцию индивидуальных интересов, что в либерализме считается естественным порядком вещей. В политическом смысле начиная с XVII столетия она понималась как право личности поступать по собственной воле, которую ограничивает только факт существования других людей. При этом требование обеспечения индивидуальной свободы заходило так далеко, что, как неоднократно отмечалось, Французская революция даже отрицала за рабочими право на организацию сообществ для защиты собственных интересов, ибо всякое объединение влечет за собой известное ограничение индивидуальной свободы. Практическим, так сказать, инструментальным критерием свободы являлась возможность использовать те права и свободы, которые были записаны сначала во французской революционной «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в XX столетии, — во «Всеобщей декларации прав человека».

«Человек рожден свободным, но повсюду он в оковах», — писал Руссо, ставя задачу освобождения от феодального и религиозного гнета. В XVIII в. свобода ощущалась настоятельно необходимой ввиду гнетущих и подавляющих всякую возможность развития привилегий высших сословий, деспотического контроля государства над передвижением подданных, ограничений торговли, подавления городских свобод, духовного гнета церкви и т.д. Во времена Французской революции эти институты утратили основания своего существования и не воспринимались иначе как пережитки. На этом фоне и возник идеал ничем не ограниченной чистой индивидуальной свободы, которая,

как считалось, отвечает естественным требованиям разума и естественному порядку вещей.

В это время свобода воспринималась как органически связанная с равенством. И одно, и другое казалось *естественным*. Стремление к свободе предполагало своим основанием факт *естественного равенства* индивидов, причем все фактические неравенства рассматривались как искусственные, вызванные к жизни несправедливым воздействием переживших свое время социальных институтов. Достаточно освободиться от этих институтов — и человек проявится во всем величии своих духовных и физических сил. Это будет «естественный человек», свободный от ограничивающих его искусственных установлений. Под естественным подразумевался *всеобщий*, то есть *абстрактный*, человек, который как бы содержится в любой эмпирической личности, как ядро в скорлупе ореха. Освобождение от институтов есть обнажение, выведение на свет этого всеобщего человека.

Именно в этом пункте свобода оказывалась логически связанной с равенством. Человек становится свободным, если избавить его от гнета архаичных социальных институтов, да и вообще от всех случайных обществом и культурой обусловленных воздействий. Но при этом он сводится к своему «наименьшему общему знаменателю» — человеку вообще, который равен всякому другому человеку. *Равенство обеспечивается свободой, свобода обеспечивается достижением равенства.*

Это была теоретическая и логическая основа революционного действия. Но она во многом не отвечала реальности революции. Известно ведь, что все революционеры, особенно радикальные, выражали недовольство качеством оказывающегося в их распоряжении человеческого материала и фактическим природным и культурным неравенством людей. Как отмечал выдающийся философ и социолог Георг Зиммель, революционеры понимали, что реальные

люди слишком неравны и что достижение свободы немедленно породило бы новое угнетение: глупых — умными, слабых — сильными и т.д. Это ощущение было даже у радикальных революционеров. Наверное, писал Зиммель, «инстинкт здравого смысла побуждал к Liberté и Egalité добавить Fraternité. Ибо без добровольного морального самоограничения, предполагаемого этим понятием, Liberté быстро привела бы к тому, что является полной противоположностью Egalité»⁴. Таким образом, Зиммель предполагает, что противоположность свободы и равенства была осознана гораздо раньше, чем это может показаться современным исследователям, и что она была осознана иначе, чем это представляют либералы. *Свобода осознавалась как угроза равенству*, а не наоборот, как это, в основном, представляется сегодня. Но для широкого общественного сознания того времени внутреннее противоречие свободы и равенства все равно оставалось незамеченным.

Некоторые закономерности отношений равенства и свободы выводятся из трудов многих мыслителей, писавших на эту тему. Да и сами уроки истории позволяют прийти к определенным, на первый взгляд банальным, но важным обобщениям. Прежде всего и свобода, и равенство имеют свою цену. «Цена свободы ощущается немедленно, а цена равенства обнаруживается лишь постепенно», — говорит Н. Больц. В нашей стране цену свободы ощутили в начале 1990-х годов. Свобода стоила нам очень дорого. Это рост никем не регулируемых цен, резкая социальная дифференциация, усиление преступности и других форм антиобщественного поведения — проституции, наркомании и др., распад общественной морали. Это то, что в социологии, начиная с Э. Дюркгейма, именуется *аномией*. И это, повторим, ощущается практически сразу. Цена равенства, наоборот, обнаруживается постепенно, по мере того как требования быть равным всякому другому все более начинают ограничивать и суживать

пространство индивидуальной свободы и человеческой самореализации.

Но справедливо и обратное отношение: *преимущества свободы проявляются лишь постепенно, тогда как преимущества равенства сказываются на месте и сразу*. Преимущества равенства проявляются в том, что имущество богатых можно отнять и разделить на всех, и это не требует много времени. Например, как это было после 1917 г., в шестикомнатную профессорскую квартиру можно вселить пять рабочих семей, каждой семье, в том числе профессорской, достанется по комнате, в результате чего равенство обеспечено быстро и радикальным образом. Попытка осуществить такое равенство как раз и описана в «Собачьем сердце».

Как сказано, равенство демонстрирует свои преимущества быстро, тогда как свободе для того, чтобы показать свои преимущества, требуется время. Это время для того, чтобы реализовался экономический потенциал свободы, несущей в конечном счете улучшение условий и уровня жизни для всего общества. Собственно, именно здесь находится средоточие ожесточенных политэкономических споров между социализмом и капитализмом, здесь и объяснение того, почему либерально-консервативное мировоззрение в конце концов победило в борьбе против социалистического мировоззрения. Как убедительно пишет Больц, тайна этой победы и одновременно победы капитализма над социализмом состоит в том, что ответ на вопрос о пути к счастью было предложено искать *не в перераспределении продукции, а в участии всех в росте производства*. Производительность и творчество — это результат соревнования, в котором выигрывают буквально все, выигрывает общество в целом, ибо повышается благосостояние каждого. Перераспределительные стратегии имеют дело с *конечным* числом благ, которое не увеличивается, а только *уменьшается* в ходе перераспределения, тогда как

производительные стратегии *повышают* количество благ, и это повышение, в принципе, не имеет границ. О том, что определенные границы все же есть, порассуждаем ниже, в разделе «Борьба за позиции».

Можно сказать, конечно, что это, хотя и правильные, но довольно общие слова. На деле и социализм не ограничивается перераспределением благ, а ставит на первое место производство, и капитализм на практике сталкивается с проблемой перераспределения, более того, со временем, с ростом социальной дифференциации и неравенства в доступе к общественным благам именно она становится главной проблемой капитализма, в том числе и современного. Экономическое поражение социализма, насколько можно судить сегодня, оказалось связанным с крайней централизацией социалистической экономики и недостатком субъектности производителей, что практически исключало или, по крайней мере, довольно сильно затрудняло развитие производства. Ибо именно субъектность, то есть автономность и самоопределяемость экономических субъектов, порождает соревнование и творчество, становящиеся основанием роста. Но речь здесь не о философии экономической жизни, а о *конкретных правовых определениях* — не о философской, а о *правовой субъектности*, которая вовсе не исключается априори в условиях социализма. То есть это проблема не социализма, его социальной и хозяйственной организации как таковой, а конкретных правовых и экономических норм, действовавших в социалистических странах в конкретных обстоятельствах и в конкретный период их существования.

Точно так же и противопоставление свободы равенству, более того, восходящее к Попперу и Хайеку противопоставление свободы *равенству как прямой дороге к рабству* (об этом мотиве мы упоминали выше), убеждает только и исключительно в контексте философии или даже в контексте *идеологической борьбы*. Если же подойти к делу социологически, то окажется,

что как капитализм не исключает принуждения, даже в экономике (налоги, к примеру), так и социализм не исключает свободы, в том числе экономической. На последнем, то есть на теме «социализм и свобода», стоит остановиться несколько подробнее, потому что, к сожалению, именно спекуляции на этой теме ложатся краеугольным камнем в современную идеологическую дискуссию. С социологической точки зрения можно выделить три типа проявления свободы в обществе: экономическая свобода, антропологическая свобода и политическая свобода. Я писал об этом в статье «Свобода в СССР» еще более десяти лет назад⁵. *Антропологическая свобода* — это возможность более или менее беспрепятственно реализовывать потребности, присущие человеку как социальному и природному существу: потребности в любви и дружбе, в признании, в новых ярких впечатлениях, в эстетическом и физиологическом наслаждении и т.п. Все эти потребности могут удовлетворяться вне зависимости от политической или социальной системы, в которой живет человек.

Также и *экономическая свобода* может существовать не только при капитализме. Как пишет йельский профессор Чарльз Линдблом, «для многих рыночных свобод — а если бы мы постарались подсчитать их количество, скорее всего, оказалось бы, что для большинства, — не требуется рыночная система»⁶. Линдблом разбирает и сравнивает свободу потребительского выбора, свободу выбора профессии и другие экономические свободы в рыночных, капиталистических, и нерыночных, социалистических, системах и показывает, что все эти свободы, хотя и в разных масштабах, существовали и в «коммунистических» системах. Это различие масштабов может объясняться конкретными обстоятельствами политического режима или системы управления экономикой. Это *технические* обстоятельства деятельности экономической системы в данный конкретный момент времени и под управлением данных конкретных индивидов, а отнюдь не всепро-

никающие характеристики социализма и коммунизма *per se*, неизбежно порождающие принуждение и порабощение. В результате достаточно детального рассмотрения Линдблом заключает: «эти свободы не являются специфически присущими рыночным системам, но могут также существовать и при авторитарном, и при демократическом центральном планировании»⁷. То есть, по свидетельству Линдблома, который вовсе не марксист, а авторитетный американский экономист и социолог⁸, экономическая свобода также может быть присуща и социалистической системе организации общества.

О политической свободе и ее способе существования в современном обществе мы еще будем много говорить в последних разделах книги. Здесь же мы остановились на вопросах свободы, чтобы подчеркнуть некоторую существенную односторонность приведенной выше аргументации Норберта Больца, который слишком резко — в духе боевых памфлетов Карла Поппера и Фридриха Хайека — противопоставил социализм и капитализм, точнее, некие искусственно сконструированные модели одного и другого, пренебрегая конкретными обстоятельствами их существования в земном пространстве и историческом времени. Разумеется, есть полюсы свободы и несвободы, централизации и децентрализации, автономности и манипулируемости, но это необязательно и не всегда полюсы, обозначаемые понятиями «социализм» и «капитализм». Именно с этими оговорками следует воспринимать приведенные выше аргументы Больца.

Наивно думать, что социализм не дает людям развить их таланты, а капитализм, наоборот, эти таланты раскрывает. Капиталистическая система работает иначе, и таланты индивидов — есть они, или их нет — имеют, как правило, малое отношение или не имеют вовсе никакого отношения к успеху индивидов на рынке. Да, конечно, в ходе конкуренции экономическими субъектами используются естественные неравенства и

создаются неравенства материальные. Эти естественные неравенства — талант, жизненная энергия, удача. В свободном рыночном хозяйстве естественные неравенства порождают материальные неравенства. За материальными неравенствами следуют неравенства социальные. Действительно богатый человек обретает определенную дистанцию по отношению к обществу. Место индивида в социальной структуре капиталистического общества определяется в первую очередь его доходом. Высший класс — это миллионеры и миллиардеры, стоящие «по ту сторону» массового общества, массовой демократии.

Может показаться, что в этом и есть высшая справедливость — ведь если в основе всего лежат естественные неравенства, то есть различия талантов, ума, жизненной энергии, то и материальное и социальное неравенство вполне оправдано. Как пел Высоцкий: «Да, идеи нам близки, первым — лучшие куски!» История идей показывает, что всегда появлялись и продолжают появляться теории и концепции, объясняющие социальное неравенство тем, что на самый верх социальной пирамиды поднимаются лучшие, достойнейшие, то есть те, кто, собственно, и должен там быть.

Но дело в том, что в капиталистической рыночной экономике первые — необязательно лучшие, необязательно самые умные, самые талантливые и энергичные. Разумеется, все эти качества играют определенную роль в экономическом соревновании. Но не они решают. Разделение на бедных и богатых не совпадает с разделением на умных и неумных, талантливых и бесталанных и т.д. У каждого есть свои таланты, одни — распространенные, другие — редкие. Но в свободной экономике вознаграждаются не старания и не таланты, а *результат на рынке*. Важно не то, что ты сам считаешь хорошо сделанным, а то, что считают хорошо сделанным — и покупают — другие. Польский мастер афоризмов Станислав Ежи Лец говорил: «Конечно, можно постараться и полететь быстрее

скорости света. Но зачем — ведь никто не увидит и не оценит!» Высшие достижения человеческого разума и высшие создания человеческих рук могут просто-напросто остаться незамеченными рынком, потому что мы с вами — потребители — не знаем, как их (у) потребить. Ни деловой успех, ни престиж не вытекают из заслуг и достоинств. Они возникают как результирующие действия гигантского множества не поддающихся или слабо поддающихся рациональному учету рыночных факторов, один из которых — изменчивые потребительские (то есть наши с вами) вкусы и предпочтения. В общем, современная экономика — крайне сложная и абстрактная вещь. В ней совершенно отсутствует индивидуально-личностная составляющая, а те, кто занимают в ней свои места как на самом верху, так и внизу пирамиды, представляют собой не столько индивидуумов с особыми умениями и талантами, сколько функции экономической системы.

Ну а поскольку они — не лучшие, вновь и вновь возникает разговор о социальной справедливости. От сильного государства ждут, когда оно придет и установит социальную справедливость. И, как сказано выше, сейчас просто нет ни одного политика и, наверное, ни одной партии, которая отказалась бы от требования социальной справедливости. Это требование не столько позитивно политическое, сколько моральное. Это, как говорит Больц, символ морали в политике и символ моральной политики — своего рода принцип священного в современной вполне светской и безбожной политике. При этом главная сложность заключается в том, что никто не знает толком, что такое справедливость. Признать и определить какое-то действие как справедливое и несправедливое мы можем очень легко, но определить, что такое справедливость, практически никому не удается.

Так свобода и равенство постоянно входят в конфликт друг с другом. Там, где побеждает и приносит свои плоды равенство, усиливается требование свобо-

ды. Там, где побеждает и приносит свои плоды свобода, усиливается требование равенства. Первоначально они выступали вместе, то есть лозунги свободы и равенства звучали неотрывно друг от друга. Получалось так, что революция и борьба осуществлялись, как правило, сначала за свободу и равенство одновременно, лишь потом эти цели расходились. Лишь до тех пор, пока какая-то из сторон может использовать другую для своих целей, они борются вместе. Как только такая возможность исчезает, они расходятся, и даже не просто расходятся, а становятся врагами, иногда смертельными. Так, в 1917 г. в России февральская буржуазная революция происходила под лозунгами равенства и свободы, и лишь большевики потом пошли дальше, пожертвовав свободой во имя равенства. В 1991 г., наоборот, «перестройщики» и «борцы с привилегиями» (сторонники равенства) были нужны либеральным революционерам (борцам за свободу) лишь до тех пор, пока те были не в состоянии полностью захватить власть в стране и начать радикальную реорганизацию общества и экономики, повлекшие за собой установление глубочайшего и трагического неравенства.

Парадоксальным образом получается так, что современная массовая демократия и массовая политика представляют собой питательный раствор, из которого произрастают стремления и идеалы равенства. Ликвидация сословий сняла барьеры и фильтры между индивидами «разного сорта», которым априори полагались разные достоинства и достоинства. Поэтому жить в условиях массовой демократии означает жить в условиях постоянного сравнения себя с другими. Это равно относится и к западным странам, и (частично) к России. Тем не менее отличия есть. Это на Западе достигнутый уровень благосостояния обеспечивает некое приблизительное универсальное равенство, на фоне которого вызывающе и неуместно выглядит все выделяющееся и выдающееся. В России ситуация иная — имеющееся неравенство вопиет, и перед стра-

ной лежат, собственно, два пути. Первый вариант: на базе многообразных неравенств преобразовать страну в общество сословного типа с олигархической формой правления, тем более что и героев придумывать не надо — олигархи уже налицо, хотя это не всегда те, кого мы сейчас так называем. Второй: двигаясь по пути модернизации, что предполагает в близкой или более отдаленной перспективе подъем жизненного уровня, ликвидацию бедности и достижение относительного равенства, перенять западный синдром нетерпимости к выдающемуся на фоне относительно приличного среднего. На мой взгляд, оба пути хуже.

Как говорит Болъц, «ненависть к неравенству есть демократическая страсть *rag excellence*». Если исходить из этого суждения, то чем меньше неравенства в обществе, тем сильнее ненависть к нему и тем громче звучит требование равенства. А если принять это последнее уравнение, то можно сказать, что у нас неравенства сейчас слишком много, так что и ненавидеть его со всем пылом души наш народ пока что не в состоянии. Но это все впереди, если, конечно, России удастся выбраться из нынешних ее проблем и бедствий.

В общем, ситуация с равенством в современном демократическом обществе оказывается вполне парадоксальной. Чем больше равенства достигнуто, тем невыносимее становится всякое имеющееся или возникающее неравенство. Чем больше равенства, тем неумолимее стремление к еще большему равенству. А всякое статистически проявившееся неравенство интерпретируется как несправедливость и включает еще одним пунктом в обвинение против «буржуазной» свободы.

РОЖДЕНИЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ ИЗ ДУХА РАВЕНСТВА

Прямым следствием неумолимого стремления к равенству в условиях массовой демократии является

подавляющее все прочие принципы и лозунги требование *обходиться с неравными как с равными*, что рассматривается как одна из самых больших ценностей современности. Это современное воплощение принципа равенства. Люди должны — и в цивилизованных странах это долженствование воспринимается как самоочевидное — считать равными белых и черных, мужчин и женщин, бедных и богатых, больших и маленьких, умных и глупых и т.д. Это торжество идеологии *политической корректности*, порождающей огромное количество парадоксов и абсурдов в политике и публичной жизни. Есть парадоксы и абсурды привычные, впитанные с молоком матери, в которых образованному человеку уже и усомниться-то неприлично. А есть парадоксы и абсурды новые и пока непривычные, но считающиеся обязательными в неменьшей степени, чем старые. К первым можно отнести любого рода принципы и требования универсализма в политике, например всеобщее избирательное право. Здесь действует уже упоминавшийся нами универсальный принцип «один человек — один голос», причем вес этих голосов абсолютно тождественен, независимо от того, что один голос принадлежит, скажем, гениальному ученому, умнейшему политику или благородному филантропу, а другой — никчемному пьянице или просто идиоту, вообще не способному сформулировать рациональное суждение. Эти голоса не сравниваются и не взвешиваются и оказывают равное влияние на принятие политических решений. Об этом мы еще будем говорить далее.

Но существуют и сравнительно новые «абсурды», порожденные идеологией политической корректности в ее зрелом современном состоянии. Например, подведение под одну категорию, то есть фактическое признание равенства, как в правовом, так и во всех прочих отношениях, классической разнополой и гомосексуальной семьи. В некоторых кантонах Швейцарии даже заключаются *церковные* гомосексуальные браки.

Это также торжество справедливости, выступающей в форме равенства.

Мы еще продолжим этот ряд примеров, показывающих, что политическая корректность — это не случайное, ограниченное местом и временем идейное явление, а *принципиальная и важнейшая характеристика современной массовой демократии*. Демократия, как известно, не всегда была массовой. Афинская демократия, например, базировалась на исключении женщин, рабов и чужестранцев. Мы отмечали выше, что принципиально вопрос о демократии как системе универсального равенства был поставлен и решен в философии Просвещения. Новое время стало временем триумфального шествия принципа равенства. Он достиг кульминации в доктрине универсальных прав человека и в идеологии политкорректности. Можно сказать, что *политкорректность и современная демократия теснейшим образом связаны друг с другом и одно без другого невозможно*.

Прежде чем представить доказательства этого тезиса, нужно дать рабочее определение политкорректности. Вообще определений политкорректности, как иронических⁹, так и серьезных, очень много. Иногда она считается родом цензуры¹⁰, иногда — набором эвфемизмов¹¹, иногда — идеологией определенных групп, например левацких группировок¹² или разного рода меньшинств¹³. В этих определениях политкорректность толкуется в основном как вредное, негативное явление. Есть, разумеется, и позитивные определения, например политкорректность как форма избегания слов и действий, которые кого-то могут оскорбить¹⁴, или способ редукации агрессивности в социальных контекстах¹⁵. Любое из этих определений отражает некоторые реальные черты политкорректности, но все они не схватывают действительного масштаба и реальной значимости этого явления. На самом деле *политическая корректность — это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной сто-*

роны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса.

Прежде чем описать феномен политкорректности в его исторической и политической определенности, приведем еще несколько выразительных примеров. Например, политкорректность ограничивает политиков и табуирует определенные темы, даже крайне важные в современной социальной и демографической ситуации, такие как национальные и этнические проблемы и отношение к иммигрантам. Это касается как России, так и Запада. Достаточно вспомнить яркий, но краткий взлет партии «Родина» несколько лет назад. Не обязательно утверждать, что подход партии «Родина» к национальным и этническим проблемам и к проблеме иммигрантов был правильным. Достаточно того, что он был, а у других, политкорректных партий его не было. Замалчивание проблемы и изъятие ее из общественной дискуссии не может иметь положительных последствий для общества.

То же относится и к Западу. Во время выборов в бундестаг ФРГ в 2002 г. автор этой книги входил в группу международных наблюдателей и потому очень внимательно отслеживал перипетии предвыборной борьбы. Легко было заметить, что решающим фактором стала проблема иммиграции и адаптации иммигрантов, тревожащая многих жителей страны. Но парадоксальным образом она сыграла свою важную роль именно *по причине ее отсутствия* в политической дискуссии. В ходе предвыборной борьбы неоднократно складывалась ситуация, когда консервативные партии вплотную подбирались к этой животрепещущей проблеме... и отступали, переходя к банальным вопросам социальной политики и экономики. В воздухе буквально висело ощущение негласного запрета на серьезное и принципиальное обсуждение этой темы. Табу! Отсутствие такого обсуждения сыграло

огромную роль на выборах, ибо реальная постановка проблемы и острая дискуссия привели бы к достаточно резкому изменению партийного ландшафта. Политкорректность, таким образом, стала средством цензуры политической жизни.

Выразительные примеры цензуры политкорректности приводит военный историк М. Ван Кревелд в книге «Мужчины, женщины и война»¹⁶. В 1985 г. американский журнал «Life» в номере, посвященном сорокалетию окончания Второй мировой войны, в которой погибли 300 000 американских солдат-мужчин, поместил на обложку фото десяти героев-мужчин и семи героев-женщин. Во вьетнамской войне у американцев погибли 57 000 мужчин и 8 женщин. Их памяти посвящен монумент в Вашингтоне с шестью фигурами солдат: трое мужчин и три женщины. Это политкорректно. Вообще, США в области политкорректности, как и во многом другом, идут впереди всего мира. Сначала это была борьба с *расизмом* путем табуирования расовых тем и общеизвестного переименования черных в афроамериканцев, как будто бы черные — не черные¹⁷, затем — борьба против *сексизма*, имеющая целью уравнивание мужчин, женщин и трансвеститов, поскольку их половая идентичность якобы не имеет значения с точки зрения их социальных ролей и статусов. Затем начались выступления против дискриминации *пожилых людей*, что постепенно превратилось в модную идеологию. Глаз эгалитаристов на различия, которые необходимо уничтожить, обострен до чрезвычайности. Запрещено называть инвалидов *disabled*, то есть буквально «лишенные способностей», их надо называть «имеющие другие способности». Тот, кто называет инвалидов инвалидами, нарушает политкорректность, впадая в *эйблизм* (*ableism*). А тот, кто считает женскую красоту достоинством и благом и смотрит на женщину как на женщину, впадает в *лукизм* (*lookism*) или, по-русски, *смотризм*. Специальную статью посвятила языку политкорректности известная писа-

тельница Татьяна Толстая. «К греху “смотризма”, — пишет она, — тесно примыкает и грех “возрастизма” (ageism)... Sizeism (“размеризм”, что ли?) — предпочтение хорошей фигуры плохой, или, проще, худых толстым. Он же fatism (“жиризм”), weightism (“весизм”). Страшный грех»¹⁸. Все это запрещенные способы восприятия и поведения, в частности, вербального¹⁹.

Истолкование неравных как равных — цветных и белых, детей и взрослых, мужчин и женщин, бедных и богатых, маленьких и больших, глупых и умных, наконец, даже людей и животных — стало сегодня самоценностью. Неважно, каков человек, — мы не имеем права показать, что воспринимаем его в его особенности и уникальности. Он для нас должен быть человеком вообще, абстрактным человеческим существом — голова, две руки, две ноги. Как в детской считалке: «Палка, палка, огуречик — вот и вышел человечек». Истинные его особенности и характеристики относительны, правовой и политический статус абсолютен. Вообще, дух политкорректности выразим в простой формуле: *истина относительна*. Политкорректность не предполагает стремления к истине. Истина ее просто не интересуется. Ее задача — обеспечение *толерантности*, или *терпимости* даже в отношении того, что заведомо неистинно. Популярный в России и приписываемый Вольтеру афоризм гласит: «Я считаю, что ваши взгляды неверны, но я готов отдать жизнь за ваше право их высказать!» Это и есть принцип терпимости при полном равнодушии к истине. Упомянувшийся выше Н. Большц справедливо заявляет, что в идеологии политической корректности западная цивилизация *порывает с понятием истины*, которое лежало в самом ее фундаменте. Подробнее об этом ниже — в разделе о науке как жертве политкорректности.

Итак, согласно требованиям политкорректности, каждый достоин признания и уважения. Речь идет не просто о равенстве перед законом (это вполне традиционная форма равенства), а об обязательности при-

знания и уважения. Это требование на первый взгляд разумно, на самом же деле оно не только не осуществимо на практике, но и противоречит здравому рассудку и элементарной логике. Как можно обнаружить и окружить любовью и уважением добро, если не выделить и, соответственно, не подвергнуть остракизму зло! Вообще, в нашей повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с неравенствами. Именно неравенства есть и бросаются в глаза, а равенство является чистой абстракцией. Даже если мы решимся констатировать его существование, оно так вплетается в различные конкретные исторические ситуации, что на практике жизни и истории всегда реализуется как неравенство. Возьмем вроде бы совершенно равных «средних» людей: равных перед законом, одинаково образованных, примерно одинаково обеспеченных и даже живущих в одинаковых соседних квартирах. Но у каждого своя биография, и эта биография может кардинально развести их жизненные пути. Один останется тем, что он есть, а другой станет, скажем, министром, профессором или миллионером. Это как пешки в шахматах: они вроде все абсолютно равны, но в разных игровых ситуациях обретают совершенно разную значимость. Кроме того, есть культуры и страны, дальше других ушедшие по пути технического и социального прогресса (в чем бы этот прогресс ни выражался). И трактовать их жителей как равных жителям тех, что отстали, — значит не замечать (или делать вид, что не замечаешь) отсутствия у них навыков для нормальной жизни в цивилизованном обществе, что делает их в этом отношении неравными аборигенам этого самого цивилизованного мира, как, например, прекрасно показано в известном и абсолютно неполиткорректном американском фильме «Борат».

Ну, и есть люди, которые в чем-то бесконечно превосходят других, — в уме, силе, красоте, богатстве, известности и т.п. Их обычно называют элитой, лучшими, властителями, звездами, знаменитостями. Их

особенность и неравенство с другими описываются множеством понятий, которые не всегда даже поддаются четкому рациональному определению: величие, избранность, аристократизм, стиль. Конечно, сильней всего эти особенности и исключительности воспринимались, оценивались и уважались в сословном обществе, где они оказывались базисом социальной стратификации. Георг Зиммель в свое время, определяя специфику аристократии как сословия, отмечал уникальность и особость *каждого* аристократа, его принципиальную несравнимость с другими. Для понимания этой специфической характеристики аристократии как группы, для членов которой *общей чертой* является *уникальность каждого* из них, Зиммель выдвинул парадоксальное понятие «индивидуальный закон». Если абстрактное равенство людей предполагается всеобщим законом, то индивидуальный закон предполагает, что каждый человек сам определяет для себя как степени свободы, так и необходимые ограничения. Поведение при этом детерминируется как личностными задатками, так и конкретными обстоятельствами индивидуальной жизни. Индивидуальный закон — это закон, вытекающий в каждом отдельном случае его реализации (а здесь есть только отдельные случаи, но нет общей закономерности) из факта человеческого неравенства²⁰.

Но, вообще-то, следует различать между идеологией политической корректности, господствующей в официальных организациях, а также в политизированных кругах так называемого гражданского общества, и неэксплицируемой латентной идеологией повседневной жизни. Для повседневной жизни неравенства и различия являются изначальной характеристикой социального мира. Огромная часть социализации состоит в усвоении именно различий и неравенств. Более того, значительная часть человеческих связей и отношений предполагает наличие неравенства как необходимое условие своего осуществления. Как изящно замечает

Больш, «каждый, кто обладает жизненным опытом, знает, что не бывает счастья без переживания различий». В общем, вся наша взрослая жизнь есть опыт переживания самого разного рода неравенств.

Но политкорректность и здравый смысл — понятия не только не совпадающие друг с другом, но коренным образом расходящиеся прежде всего по своим функциям. Политкорректность — политическое орудие. Она служит для *контроля мнений в условиях свободы слова*. Путем насильственной замены непolitкорректных слов на политкорректные осуществляется насильственный перевод мнений и высказываний из одной системы мысли в другую, более того, из одной картины мира — в другую. Например, если в ходе выступления оратор употребит термин «чужой» по отношению к прибывшему в страну лицу иной национальности, иной веры или иного цвета кожи, то политкорректная аудитория может прервать его восклицаниями: «Не чужой! Другой!» (такому случаю был свидетелем автор настоящей работы). Вроде бы, не бог весть какое изменение. На самом деле политкорректное «другой» переводит рассуждение из контекста, скажем, борьбы цивилизаций, геополитики, острых международных и идеологических конфликтов в контекст общедемократического *Fraternité* и благостных призывов типа «Оды к радости», причем при отсутствии религиозных оснований, которые все же были у Шиллера. Важно, что реакция на отклоняющиеся, непolitкорректные мнения — это не рациональное возражение, а *возмущение*. Гнев и возмущение, как уже отмечено выше, — демократические чувства, и они позволяют контролировать аудиторию лучше, чем рассуждение и анализ. Так что способ реагирования на непolitкорректные слова становится дополнительным орудием контроля мнений. Таким образом, возникает *политкорректная ортодоксия*, которая способна возбуждать и направлять демократическое общественное мнение даже против большинства, которое тем самым действитель-

но превращается в «молчаливое большинство». Этот процесс формирования молчаливого большинства, которое подавляется малочисленной, шумной и политкорректной ортодоксией, немецкая исследовательница общественного мнения Элизабет Ноэль-Нойман назвала «спиралью молчания»²¹. Мы еще вернемся к этому в дальнейшем.

Норберт Болъц дает социологическое объяснение феномена политкорректности. Одна из важнейших задач политкорректности сегодня состоит в том, чтобы показать, что столкновение цивилизаций и борьба культур на самом деле представляют собой не что иное, как культурную и национальную дискриминацию и создание атмосферы межнациональной вражды и ненависти. При этом политкорректность еще и умудряется замаскировать собственную стратегию. Дело в том, считает Болъц, что имеет место не одна борьба культур, а две. Одна из них — это борьба Запада против всего остального мира: это не просто столкновение религий и не столкновение равноправных и равноценных культур, а именно борьба всех против Запада, преследующая своей целью уничтожение этого самого Запада. Вторая — это, по мнению Болъца, борьба Запада против самого Запада, ведущаяся перьями левых интеллектуалов. Имеются в виду возбуждаемые ими антибуржуазные настроения.

Есть очень простое, но убедительное объяснение того, почему подавляющее большинство европейских интеллектуалов в политике занимают левые позиции. «Они много значат, но мало зарабатывают», — пишет Болъц. И им приходится постоянно сталкиваться с успешными персонами буржуазного мира, которые очень много зарабатывают, хотя в интеллектуальном смысле им очень сильно уступают. Болъц формулирует эту простую мысль еще и на языке социологии: «типичный антибуржуазный ресентимент интеллектуалов возникает в силу неравновесия дохода и статуса»²². Карл Маркс, В.И. Ленин, затем в двадцатые годы

прошлого столетия Антонио Грамши, Вальтер Беньямин и ранние представители Франкфуртской школы — все они были не только философами и абстрактными наблюдателями мировых фигур и процессов, но и неистовыми пропагандистами антибуржуазного духа. У самых ярких фигур, таких как Маркс или Ленин, в инвективах, направляемых в адрес буржуазии как класса и буржуазного государства, звучал такой накал страсти и ненависти, что трудно было не заподозрить присутствие личных мотивов. Об этих мотивах, в частности о материальных затруднениях Карла Маркса, о личных проблемах и трудной эмигрантской жизни Ленина писали многие публицисты. Нетрудно в этом смысле предположить, что левая мысль родилась из духа ненависти к успехам буржуазии и «нанятых» ею идеологов. Возрождение этого духа случилось в 1960-е годы, и с этих пор левый интеллектуализм существует и делает успехи как постоянная оппозиция капиталистическому развитию. Шестидесятые — это время антикапиталистической студенческой революции, которая зиждилась на фрейдомарксистском базисе, творилась во имя разоблачения репрессивной идеологии и освобождения пола как альтернативы марксистскому освобождению труда. Любые кризисные явления приветствовались радостными криками, ибо это давало возможность провозгласить смерть капитализма и от имени всего человечества потребовать справедливости и равенства. Революция 1960-х сошла на нет, не оставив каких-либо ясно наблюдаемых изменений в политике и экономике, но запечатлела свои неизгладимые следы в европейской культуре. Такими оказались, во-первых, сексуальная революция, коренным образом изменившая отношение общества к полу, и, во-вторых, культурное движение, ставшее известным под именем постмодерна. О постмодерне речь пойдет ниже. И, в третьих, революция 1960-х не умерла, сохранившись в постоянном стремлении к освобождению чего-нибудь (объект эмансипации все

время меняется) из-под ига буржуазии, безжалостно эксплуатирующей и истребляющей этот подлежащий освобождению объект.

Больц дает краткий перечень подлежащих освобождению объектов и выдвигаемых «освободителями» (а также и подлинных) мотивов борьбы за освобождение. Дальнейшее развитие, пишет он, продемонстрировало (как это, впрочем, было продемонстрировано уже тысячекратно на примерах самых разных революций), что те, кто требовал равенства, на самом деле стремились к привилегиям. Это относится к интеллектуалам едва ли не в первую очередь. Они обманывали, ссылаясь на «человечество». Это бесцветное понятие получает свое антибуржуазное звучание, только когда подавляющее большинство населения истолковывается как жертва системы, управляемой кучкой богачей. Это наполовину конспирологическое, наполовину философско-историческое представление в левой мысли всегда считалось выражающим самый дух мировой динамики. Сначала (в марксизме) угнетенное человечество представлял собой угнетаемый капиталистами класс фабричных рабочих, потом (в феминизме и вообще социал-демократии) его место заняла угнетенная женщина и угнетенные колониальные народы, потом — безжалостно используемая, загрязняемая и погубляемая природа (зеленые и социал-демократия). Капиталисты *всегда должны* что-нибудь угнетать и губить, иначе не может быть объяснено господствующее положение западной цивилизации и невозможно призвать ее к ответу по всемирно-историческим счетам. Поэтому теперь, когда экологический контроль стал непременным атрибутом любых индустриальных проектов и процессов, роль угнетаемой и загрязняемой природы занял безжалостно убиваемый промышленными странами земной *климат*. Это новый фетиш, заключает Больц, над которым рыдают все обиженные судьбой люди, страны и корпорации²³.

Конец ознакомительного фрагмента
Полная версия книги доступна на litres.ru ➤

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ЛЕОНИД ИОНИН
АПДЕЙТ КОНСЕРВАТИЗМА

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
СВЕТЛАНА ШВЕД

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 23.09.2010. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 13,45
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1214. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6